

МОЙ ДОБРЫЙ СОСЕД

Мы живем в доме киноработников, что неподалеку от метро «Аэропорт». Когда выходишь к нам во двор, чтобы прогуляться по морозцу, встречаешь известных киноактеров и режиссеров — впечатление такое, будто продолжается многосериальный телефильм, который ты глядел накануне вечером. Беседуя о чем-то житейском, проходят Санаев и Глузский, с авоськой, полной рогаликов, возвращается из булочной Виктор Шотов, не похожий на свои эксцентричные, веселые комедии, движется тощей и всегда немного печальный Леонид Гайдай, выводит на прогулку свою собачку не выглядящий вблизи таким отчаянным киногероем Георгий Юматов, из подъехавшей такси, светяся доброй улыбкой, как в своих лучших фильмах, выходит Татьяна Пельтцер...

Среди всех этих знакомых лиц появляется и мой добрый сосед — писатель Петр Градов.

Должен честно признаться, к своему стыду, что мы, почти ежедневно встречаясь во дворе, любезно здороваясь и перебарываясь дежурными фразами, зачастую плохо знаем друг друга, мало интересуемся работой своих товарищей. Говорить это неловко, но необходимо, чтобы стало ясно, как мы немного знаем о своих коллегах, а иногда и просто близких соседях, ведь наши подъезды находятся рядом. Конечно же, я знал, в какой области работает Градов, слышал многие его песни, написанные с композиторами Туликовым, Лядовой, Новиковым, Мурадели, читал положительные рецензии на его спектакли, шедшие в разных театрах страны, но этим знакомство ограничивалось.

А если взглянуть на своего товарища пристальнее и внимательнее?

Оказывается, Петя Градов с июля 1941 года стал служить санитаром в эвакогоспиталях Ленинградского фронта. Шестнадцатилетний паренек столько перетаскал носилок с тяжелоранеными, столько повидал горя и крови, смертей и прощаний, мук и страданий, что не каждому взрослому солдату довелось испытать это на своем веку. Среди многих наград ветерана есть скромная медаль «За оборону Ленинграда», на нее смотришь с особым уважением.

Сохранился уникальный документ — дневник

девятиклассника Пети Градова, который он вел в осажденном городе на Неве. Он был опубликован в свое время в журнале «Юность». С фотографии смотрит на нас бледный, изможденный мальчик в потертой красноармейской ушанке, с трудом держащейся на его стриженной головенке. Невозможно равнодушно читать записи ленинградского школьника, мужающего буквально у вас на глазах от странички к страничке своего дневника: «Сегодня впервые в жизни пришлось не только увидеть, но и прикоснуться к мертвецу. Дней семь тому назад, после бомбардировки города, к нам привезли бойца. Он был ранен в спину. Позавчера заходил в палату, разговаривал с ним. Сегодня его уже нет».

Беру на себя смелость утверждать, что блокадные дни и ночи сделали Градова поэтом: появилась насущная необходимость рассказать о том, что видел, записать, не прибавив от себя ни слова. И самое лучшее, что удалось пока написать поэту, — это блокадные стихотворения. В них сохранился и страх пустых квартир, где никто не ответит на ваш звонок, и угрюмое молчание хлебных очередей, и гулкая пустота улиц, по которым опасно проходить в часы артобстрела, и железное упрямство ленинградцев, работающих из последних сил на голодном пайке.

Как человек, причастный к песне и заинтересованный в путях ее развития, не могу не сказать и о песнях поэта. Они очень простые, естественные, словно бы и несочиненные. Некоторые из них заслужили прочное признание у слушателей. Куранты морского клуба в городе-герое ежечасно круглосуточно с прозрачным хрустальным перезвоном воспроизводят припев песни о Севастополе, когда-то сложеной Мурадели и Градовым. На черноморском солнце торжественно сияет медь духовых оркестров — вошло уже в традицию встречать и провожать в плавание военные эскадры Севастопольским маршем. И уже невозможно представить жизнь города без этой ликующей песни: «Севастополь, Севастополь, гордость русских моряков».

Бамовцам грешно жаловаться — им посвящено немало песен, но, к сожалению, многие из них громогласные, фанфарные, излишне декларатив-

ные. А вот Анатолий Новиков и Градов пошли по иному пути, написав «Где тропиночка узкая», и песня эта сразу нашла отклик в сердцах людей.

Во время одного из своих выступлений перед читателями поэт среди своих сочинений упомянул еще одну песню — «Запел гудок заводской» и заметил: «Может быть, вы знаете ее?» В зале живо откликнулись: «А как же, знаем!» — и тут же возник импровизированный хор.

Союз Новикова и Градова подарил нам не только песни, но и произведения более крупных жанров. Всем любителям жанра оперетты помнится, наверное, «Королева красоты». Полная солнца, синевы Карибского моря, зажигательных южноамериканских мелодий, оперетта с успехом прошла в двадцати восьми театрах страны.

Плодотворным было сотрудничество Градова и с другими композиторами. Вместе с Кара Караевым автор предпринял рискованный эксперимент: они создали музыкальную комедию по мотивам Э. Ростана «Неистовый гасконец». Трудно было представить себе Сирано поющим, исполняющим на сцене свои арии. И на этот раз поэт и композитор одержали победу. Градов с большим вкусом, с чувством меры и уважения к оригиналу создал пьесу.

Добрые слова можно сказать и о других произведениях автора. А в февральской книжке журнала «Театр» опубликована новая драма «Побег».

Плодотворна и деятельность Градова в жанре поэтического перевода. Он познакомил русского читателя со многими стихами Коласа, Черенца, Капутикян, Ширази, Ухсяя, Хузангая и других мастеров поэзии. Им проведена огромная работа по пропаганде корейской поэзии, в том числе перевод на русский язык текстов девяти самых известных корейских опер.

Я лишь коротко рассказал о своем соседе по дому из квартиры 49 по улице Черняховского. Дом наш просыпается рано — кому надо в школу, кому на репетицию в театр, кому на раннюю кино съемку. Среди многих торопящихся знакомых людей узнаю я и встречающего новый рабочий день, спешащего куда-то по неотложным делам Петра Михайловича Градова.

Мих. МАТУСОВСКИЙ.

26 ФЕВ 1961

СВЕТЛАЯ ШУТУН

г. Москва